

Елена Михайлова

Софья Константиновна Богораз (1870–1921): штрихи к портрету Владимира Германовича Богораз

В статье представлено то немногое, что известно о Софье Константиновне Богораз — жене Владимира Германовича Богораз. Софья Константиновна сопровождала мужа на Крайний Северо-Восток во время Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории, и ее вклад в блестящие результаты экспедиции был весьма существенным. После экспедиции она не принимала участия ни в общественной жизни мужа, ни в его научной деятельности, оставаясь только лицом частным. В интеллектуальной биографии В.Г. Богораз ее роль минимальна, в его частной жизни — значительна.

Ключевые слова: Софья Богораз, Владимир Богораз, биография, Северо-Тихоокеанская экспедиция Джесупа.

Кажется, что Владимир Германович Богораз не обделен вниманием исследователей различных областей его многосторонней и яркой научной, литературной, общественной деятельности, в частности и биографов. Далеко не полный список работ о В.Г. Богоразе (на русском языке) насчитывает более 100 названий, в том числе свыше 20 биографических статей [Колонтеева 1991]. И тем не менее я склонна присоединиться к недавно высказанному мнению И.И. Крупника: если оставить в стороне стереотипные представления о Богоразе как классике отечественной этнографии, придется сказать, что «настоящий» Богораз продолжает оставаться малоизвестным [Крупник 2008: 17].

Всю жизнь Владимир Германович был связан нитями судьбы с В.И. Иохельсоном и Л.Я. Штернбергом. Продолжая традиционно рассматривать фигуру В.Г. Богораз в контексте этой известной «этно-тройки», отмечу определенную роль женщин в этом тройственном союзе. Интеллектуальная биография Л.Я. Штернберга опубликована [Кап 2009], и мы теперь хорошо себе представляем, какое место в жизни Льва Яковлевича занимала его жена и соратница Сара Аркадьевна Ратнер-Штернберг. В меньшей степени, но все же достаточно ясно видится фигура жены В.И. Иохельсона Дины

Елена Алексеевна Михайлова

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
elmikh@kunstkamera.ru

Лазаревны Иохельсон-Бродской. Этого, к сожалению, нельзя сказать о жене В.Г. Богораза. Я постараюсь по мере возможности восполнить этот биографический пробел и рассказать то немногое, что известно о Софье Константиновне Богораз, опираясь главным образом на рукопись воспоминаний сына — Владимира Владимировича Богораза. Замечу, что ни в одном ином документе фонда В.Г. Богораза в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (личные дела В.Г. Богораза, написанная им собственноручно достаточно подробная биография и др.) Софья Константиновна Богораз не упоминается ни разу.

С Софьей Константиновной В.Г. Богораз познакомился во время Колымской ссылки (1889—1898). Год ее рождения удалось установить по косвенным данным¹. Родилась Софья Константиновна, в девичестве Волкова, в 1870 г., происходила из крестьян села Сергиево² Санкт-Петербургской губернии, по профессии была акушеркой. На Колыму Софья Константиновна, в отличие от Богораза, поехала по собственной инициативе [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 76].

«С русским населением на реке Колыме мы совершенно сблизились, — вспоминал В.Г. Богораз. — Плясали на зимних посиделках, пели вместе с девицами старинные игровые песни. По праздникам разыгрывали винт “с прикупкой”, “с присыпкой”, “с гвоздем”, “с эфиопом”, “с треугольником” и “классический” простой» [АМАЭ. К. 1. Оп. 1. Д. 382. Л. 14]. При всех сложностях быта, принимавшего форму борьбы за существование, жизнь продолжалась и в этом замкнутом, оторванном от большой жизни мире. Картежные игры, упомянутые в приведенной цитате, всплывают вновь в письме Владимира Германовича жене, сохранившемся у его сына В.В. Богораза: «Не смотря на то, что отец бесконечно любил Софью Константиновну, от него не скрылись отрицательные стороны характера матери. В одном из своих ранних писем, еще в ссылке, он ей мягко выговаривает: “Рассчитываю тоже, что ты вела себя хорошо, денег не транжирила, в карты не проигрывала, с людьми не ссорилась”» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 13].

В ноябре 1898 г. истек десятилетний срок ссылки. С этого времени В.Г. Богоразу предстояло находиться под негласным надзором полиции и считаться со значительными ограничениями в выборе места жительства. Тем не менее по ходатайству ряда

¹ В воспоминаниях Владимира Владимировича Богораза упоминается родственница Софьи Константиновны Анастасия Андреевна Летьенен, которая была младше Софьи Константиновны на пять лет, и было ей в 1915 г. 40 лет. Таким образом, Софья Константиновна, очевидно, родилась в 1870 г. и была младше Владимира Германовича на пять лет.

² Сергиево — поселок в дачной местности, примыкавшей к Троице-Сергиевой пустыни (монастырю). Сейчас эта местность относится к территории поселка Стрельна в черте Санкт-Петербурга.

видных деятелей Императорского Русского географического общества, Академии наук, в частности благодаря активному содействию академика В.В. Радлова, Владимир Германович получает разрешение властей приехать в Петербург для продолжения научной деятельности. В январе 1899 г. 34-летний Богораз вместе с женой прибыл в Петербург и приступил к работе в Музее антропологии и этнографии (МАЭ). Министерство внутренних дел разрешило ему находиться в столице только четыре месяца — с 1 января по 1 мая 1899 г. И именно в этот четырехмесячный период пребывания в Петербурге у четы Богоразов родился сын Владимир.

Еще в начале 1899 г. Богораз получил от Франса Боаса приглашение принять участие в руководимой им Северо-Тихоокеанской экспедиции, более известной как экспедиция Джесупа. В конце ноября 1899 г. Владимир Германович выехал по своим личным делам на Кавказ [Vakhtin 2001: 85]. По всей вероятности, он ездил в Баку, где в это время жили его родители [РГИА. Ф. 1284. Д. 105. Л. 90]. Думаю, что поездка эта была связана не только с желанием повидать родителей после долгого перерыва, но и с необходимостью поместить маленького сына в семью родственников.

Завершив семейные дела, Богораз направился в Нью-Йорк, где получил все необходимые инструкции для проведения предстоящих экспедиционных работ. И В.Г. Богораз, и В.И. Иохельсона в экспедиции сопровождали жены, причем это была их собственная инициатива: специального содержания для жен Музей не выделял. Первоначально отряд В.Г. Богораз состоял из двух человек — его самого и его жены Софьи Константиновны. Перед отбытием на Чукотку они встретились во Владивостоке, куда Владимир Германович прибыл из Америки, а его жена — по железной дороге из Санкт-Петербурга.

Своей базой на Чукотке В.Г. Богораз выбрал Ново-Мариинский пост в устье реки Анадырь (современный г. Анадырь). В Ново-Мариинск Богоразы прибыли 4 июля 1900 г. (по старому стилю) [Рига 2008: 24]. В конце октября, когда Анадырь замерз, Владимир Германович покинул Ново-Мариинск. В.Г. Богораз постоянно передвигался по Чукотскому полуострову, ездил на Камчатку и на остров Святого Лаврентия, покрывая огромные расстояния на собачьих упряжках или байдаре. Обычно он оставался в одном поселении не больше четырех недель, что, конечно, очень ограничивало возможность полноценной собирательской работы. Софья Константиновна оставалась на Анадыре до следующего лета, путешествуя между Мариинском и Марково. Ей помогал Александр

Аксельрод, присланный Иохельсоном в Ново-Мариинск в декабре 1900 г. из Каменского.

В письме к Ф. Боасу В.И. Иохельсон писал: «Пока мы находились в этом месте, м-р Богораз приехал по суше с визитом с Анадыря и провел декабрь с нами. В течение этого времени он занимался изучением корякского языка. По его прибытию я отправил м-ра Аксельрода в Анадырь для присмотра за лагерем Богораз, пока он не вернется» (цит. по: [Слободин 2004: 27]). Между строк письма прочитывается негативное отношение: Иохельсон даже не упоминает имени Софьи Константиновны, он уверен, что «лагерю Богораз» в его отсутствие необходим присмотр. Противоположной точки зрения на характер деятельности матери в Джесуповской экспедиции придерживался В.В. Богораз: «Отец ценил в ней силу характера, большой здравый смысл, знание людей, жизненный опыт. Именно ей он поручил присматривать за участниками Сибирской экспедиции В.И. Иохельсоном и американцем Бакстоном, которые не отличались практичностью, она же хорошо знала условия жизни на Севере» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 13].

Работая по экспедиционной программе, анадырский отряд записал фольклор и музыкальные мелодии коренных жителей на фонограф, сделал сотни прекрасных фотографий, собрал крупные этнографические коллекции. Как признавал В.Г. Богораз, большую часть коллекции для Американского музея естественной истории собрала именно Софья Константиновна, тогда как он сам занимался главным образом научным описанием коллекции. В архиве отдела антропологии Американского музея естественной истории хранится неподписанное письмо из Мариинского поста, датированное 14 апреля 1901 г. и адресованное В.Г. Богоразу. В письме идет речь о проходивших в окрестностях Марково торговых ярмарках, на которые обычно съезжались чукчи: «Ожидая прибытия чукчей, я занималась пополнением коллекций и фотографированием жителей Марково <... > Я могла только фотографировать и собирать вещи. Я уехала 16 марта и, приехав в Марково 17-ого, сосредоточилась исключительно на организации наших коллекций, которые были упакованы в 31 ящик» [DAA AMNH. Sine numero]. Возвратившись из пятимесячного путешествия на собаках по Северной Камчатке, Богораз писал Боасу в апреле 1901 г.: «Моя жена и мистер Аксельрод собрали и упаковали в 30 больших ящиков очень значительную и дорогую коллекцию, относящуюся к ламутам и русифицированному населению реки Анадырь» [DAA AMNH. No. 1901-54].

В ходе работы всех отрядов экспедиции на Камчатке и Чукотке для Американского музея естественной истории были собраны ценные этнографические коллекции, насчитывающие около 8000 предметов. В 1903 г. Морис Джесуп принял решение передать небольшую часть этих предметов России. Эта идея могла исходить от самих собирателей, которые в это время работали в Нью-Йорке. Джесупу и Боасу, очевидно, хотелось выразить благодарность Академии наук, Музею антропологии и этнографии и В.В. Радлову, роль которого в успешном проведении экспедиции была, несомненно, очень важна. Таким образом, в 1905 г. в Музей антропологии и этнографии АН поступила коллекция, содержащая одежду, предметы быта, орудия труда, культовые предметы, великолепные образцы резьбы по кости, игрушки и различные модели, а также 24 гипсовых бюста юкагиров, коряков, чукчей, эскимосов, якутов, тунгусов. При регистрации этнографическая часть коллекции была разбита по этнической принадлежности на две части: предметы, относящиеся к этнографии чукчей, коряков и камчадалов, были объединены в коллекцию № 956 (сейчас в этой коллекции значится 187 предметов), предметы по этнографии русских на Анадыре — в коллекцию № 1059 (130 предметов). Собирателями коллекций в документации музея числятся В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон, имя С.К. Богораз не упоминается.

Фольклорными текстами и аудиозаписями чукотского отряда экспедиции Джесупа в последние годы занималась этномузиколог Татьяна Сергеевна Шенталинская. Она исследовала полую тетрадь с текстами русских песен, в том числе былин, баллад и исторических песен, записанных в 1901 г. на Чукотке в селе Марково, обнаруженную Г.Л. Венедиктовым в Архиве РАН [Венедиктов 1987], а также расшифровку фонограмм из Архива традиционной музыки Индианского университета (Блумингтон, США) и пришла к совершенно определенному выводу, что записи (в том числе и фонографические) марковских фольклорных текстов (былин, песен, загадок, поговорок, словарных объяснений, сказок, образцов скрипичного исполнительства) были сделаны Софьей Константиновной Богораз [Шенталинская 2012].

Таким образом, результаты работы экспедиции свидетельствуют о том, что прав был скорее В.В. Богораз, а не В.И. Иохельсон: Софья Константиновна была вполне самостоятельным и деятельным членом российской команды, и ее вклад в блестящий результат экспедиции был весьма существенным.

В самом конце 1901 г. Богоразы возвратились из Владивостока в Петербург, откуда планировали после небольшого отдыха

отправиться в Нью-Йорк для работы над своими экспедиционными материалами, что предусматривалось контрактом с Американским музеем естественной истории.

В 1902–1904 гг. около полутора лет Богоразы жили в Нью-Йорке, Владимир Германович обрабатывал полевые материалы, подводил итоги экспедиционной работы. Не преминул он в это же время отметить, как это ни удивительно, и на поприще общественной деятельности.

В Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента общих дел МВД, среди дел «О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге при родителях, детях, родственниках и опекунах», выявленных совсем недавно Анатолием Хаешем [Хаеш 2012], имеется прошение В.Г. Богоразы о поселении в Петербурге его овдовевшей матери. В ответе Петербургского градоначальника, особенно подробном, поскольку речь шла о просителе неблагонадежном, написано, в частности, следующее: «По имеющимся указаниям Богораз, поселившись в Нью-Йорке, примкнул к тамошней группе народолюбцев и являлся одним из главных инициаторов по изданию в Америке русской противоправительственной газеты» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 105. Л. 93–94]. Не могу оценить степень достоверности этой информации.

Проведя осенью 1903 г. немногим более месяца в Канаде среди духоборов, Владимир Германович уехал в Европу. В конце 1903 г. он был уже в Париже, откуда отправился путешествовать по Франции и Италии до осени 1904 г. [Кулешова 1975: 56]. Во время пребывания в Европе Богораз впервые принял участие в Конгрессе американистов, проходившем в 1904 г. в Штутгарте. Осенью 1904 г. он получил разрешение вернуться в Россию.

О пребывании Софьи Константиновны в Америке и затем в Европе ничего не известно. Мы располагаем только коротким замечанием В.В. Богоразы: «Долго жила с отцом за границей, но так и не научилась ни одному иностранному языку» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 11].

В сентябре 1904 г. В.Г. Богораз прибыл в Петербург. Вернулся он в Россию в самый разгар Русско-японской войны, в крайне беспокойную обстановку накала политической борьбы. И это была его подлинная стихия. «В 1905 году мне было 40 лет. Я был в полном расцвете своей физической силы. Я нырнул в революцию, как в воду» [АМАЭ. К. 1. Оп. 1. Д. 383. Л. 18]. Это был период всплеска его революционных настроений, активной общественной деятельности и опосредованного ими литературного творчества. Все это практически не оставляло места научной работе, успешно начатая научная карьера отошла на

задний план. И тем не менее вся необходимая работа с собранными им в экспедиции материалами была выполнена¹.

Что касается семейных дел, то, судя по всему, В.Г. Богораз пытался собрать в Петербурге всю свою семью. Его сестра Бера (Вера) Максимовна Богораз, ученица Консерватории, жила в 1905 г. в семье Владимира Германовича, вместе с его женой и сыном. Жили они в это время в доме 48 по улице Бассейной (ныне улица Некрасова). В 1907 г., как уже говорилось, В.Г. Богораз обратился в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить овдовевшей матери жить при нем в Петербурге: «Я зовусь Владимир Германович Богораз, занимаюсь литературой, а также этнографией. Постоянное жительство имею в г. Петербурге. Был вероисповедания иудейского, но 22 года тому назад принял православие. Точно так же поступили мои другие братья и сестры. Все мы вступили в браки с русскими и имеем русские семьи. Родители мои сохранили иудейское вероисповедание и жили на Кавказе в г. Баку. Три года тому назад отец умер. Осталась мать, которой сейчас 68 лет от роду <...> Адвокат <...> объяснил мне, что в качестве православного я не имею права держать при себе еврейку мать, и что такое право могут иметь только лица иудейского исповедания вне черты оседлости. Выходит, что с принятием православия сопряжена потеря права, в данном случае для меня весьма существенного» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 105. Л. 90]. Разрешение петербургского градоначальника было получено. Из этого прошения известен адрес, по которому семья Богоразов жила в 1907 г.: Дегтярная ул., д. 27, кв. 7.

В том же 1907 г. в Петербург приехал брат Богоразы Сергей Максимович, врач по профессии и «человек совершенно аполитичный» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 6]. Тем не менее он в качестве врача принял участие в восстании рабочих на Донбассе и был вынужден бежать в Петербург. Поселился он в квартире Богоразов. Еще более аполитичная Софья Константиновна «очень волновалась и нервничала <...> Она сказала, что видела тяжелый сон, и просила дядю срочно, сейчас же уехать за границу (что он и сделал, и затем долго жил в Париже, имея хорошую врачебную практику). Мать имела характер твердый и решительный, совершенно не склонный ни к какой мистике. Думаю, никаких снов она не видела. Но верный

¹ Несмотря на определенные сложности, с которыми столкнулся Франц Боас, пытаясь добиться от Богоразы научных текстов, тот оказался самым продуктивным из ученых, работавших в азиатской части экспедиции. Первый выпуск его четырехтомного труда на английском языке "The Chukchee. Material Culture", подготовленный, очевидно, еще во время пребывания в Нью-Йорке, был опубликован уже в 1904 г. После трехлетнего перерыва одна за другой вышли последующие части этого труда: "The Chukchee. Religion" (1907), "The Chukchee Social Organization" (1909), "Chukchee Mythology" (1910).

инстинкт и большой здравый смысл подсказали ей правильное действие» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 6].

Владимир Германович имел обширнейший круг общения: «У отца было бесчисленное количество знакомых, кого он только не знал: жал руку королю Швеции и президенту Теодору Рузвельту, работал в одной газете с Амфитеатовым и Леонидом Андреевым <...>, вместе выступал на революционных митингах в 1905 г. с Ф.И. Шаляпиным, присутствовал на литературных чтениях у Блока <...>, заходил в Пенаты к Репину, вел с Красиным дискуссию “по политическому моменту”, он знал и встречался с политическими деятелями, как “левыми”, так и “правыми”, со знаменитыми художниками, певцами, музыкантами, учеными» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 64]. В 1906–1910 гг. лето Богоразы проводили в Финляндии, в Куоккале, где прожили и весь 1907 г. Что представляло собой куоккаловское общество этого времени, широко известно, достаточно упомянуть имя Корнея Ивановича Чуковского — известного всем «летописца» Куоккалы, с семьей которого Богоразы общались в 1907 г. достаточно тесно¹.

Владимир Германович прекрасно вписывался в это общество свободолюбивой интеллигенции. Он был общественным деятелем, литератором, человеком ярким, хорошо образованным. Классическое образование с латинским и древнегреческим языками определило его склонность к античности, он прекрасно знал Библию и Евангелие [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 40, 44, 47]. Он знал немецкий, итальянский, польский языки, английским и французским владел свободно; хорошо ориентировался в мировой литературе, любил и ценил литературу русскую. Вспоминая ранние детские годы, В.В. Богораз писал: «Сколько я помню свое детство, обычными разговорами в нашей семье были разговоры политические. Приходили разные люди, много шумели, спорили» [Там же. Л. 22]. «Другой особенностью нашего дома были разговоры литературные. Отец встречался с писателями, поэтами, публицистами, критиками» [Там же. Л. 24].

Принимала ли Софья Константиновна в этих политических и литературных разговорах живое участие? Вряд ли. От природы очень умная и проницательная, она была «женщиной небольшого образования» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 11]. Под «небольшим образованием» Владимир Владимирович, вероятно, имел в виду образование в неизвестном нам специальном учебном заведении, которое готовило акушерок.

---

¹ В опубликованном дневнике К.И. Чуковского за 1901–1929 гг. имя В.Г. Богоразы — «Тана» — упоминается не единожды.

Это было хорошее практическое медицинское образование, по уровню подготовки приближавшееся к фельдшерскому. То, что мы понимаем под общей образованностью, программой, очевидно, не предусматривалось. Софья Константиновна всю жизнь писала с грамматическими ошибками. Круг ее литературных интересов был весьма ограничен: «Вообще память у нее была очень плохая, особенно ей было трудно запомнить прочитанную книгу. Она любила Мопассана и читала его всю жизнь. Начнет с первого тома, и пока дойдет до шестого — уже все забудет и опять берется за первый» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 11].

В 1910 г. Богоразы приобрели в Лесном¹ одноэтажный деревянный дом, расположенный на Большой Объездной улице под номером 6. Софья Константиновна была больна туберкулезом и нуждалась в условиях жизни, близких к деревенским, чистый воздух был ей необходим. При доме был большой сад. Меблировка дома была очень простая, почти бедная, даже занавески на окнах отсутствовали — Софья Константиновна любила солнце. Стиль семьи отличала спартанская простота: ничего лишнего, никакой ненужной роскоши. В кабинете Владимира Германовича стоял большой письменный стол. Книжные полки занимали полностью одну из стен, у другой стены находился шкаф, где он держал свои рукописи. Два больших сундука, обитых тюленьей кожей, также были набиты рукописями. На стене — фотопортрет Софьи Константиновны в молодости, снятый в Нью-Йорке. Два гнутых легких кресла и пара стульев довершали обстановку [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 88].

Софья Константиновна хозяйством не занималась, питая к нему непреодолимое отвращение. Всеми домашними делами ведала ее дальняя родственница, Анастасия Андреевна Летьенен, жившая в доме. Убирала дом горничная, за чистотой двора следил дворник. Софья Константиновна постоянно хворала, быстро старилась, к нарядам была равнодушна. Она скучала: «Летом любили сидеть у окошка, пить черный кофе, не спеша есть хлеб с салом, <...> курить, смотреть на улицу, окликать всех проходящих знакомых и беседовать с ними о нехитрых лесновских новостях» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 130б].

После переезда в Лесное Софья Константиновна жила в своем весьма замкнутом семейном мире. Бурная духовная жизнь Владимира Германовича, политическая и литературная, про-

¹ Лесное — небольшая часть современного Выборгского района вблизи Лесного института, ныне — Лесотехнической академии. В начале XX в. это было дачное предместье с парками и прудами. Большая Объездная улица — нынешняя улица Орбели.

ходила, в сущности, вне семьи. «После утреннего кофе, если он не оставался дома писать, уезжал из тихого Лесного в город. Там он посещал редколлегии газет, знакомых, в ложе журналистов сидел в Государственной думе, где налаживались научные связи, обменивались литературой. Это был мир высшей русской интеллигенции, мир политики, литературы, искусства и науки. Наш скромный домик в Лесном стоял как бы в стороне от этой большой дороги русской культуры. Мать была мало гостеприимным человеком, не любила споров и “умных разговоров”, поэтому знакомые и друзья отца редко посещали нас, предпочитая встречаться с ним в других местах» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 70].

Из этого дома в Лесном в 1914 г. пятидесятилетний В.Г. Богораз отправился в патриотическом порыве добровольцем на фронт. Вплоть до 1917 г. в качестве начальника санитарного отряда Союза городов он участвовал в военных действиях, побывав в Карпатах, Венгрии и Польше. В 1915 г. он был военным корреспондентом газеты «Биржевые новости», переходил Карпаты с войсками III армии Радко Дмитриева.

В послевоенные годы Владимир Германович «проделал всю обывательскую голгофу голодного времени» [АМАЭ. К. 1. Оп. 1. Д. 382. Л. 21]. Жили Богоразы главным образом овощами со своего огорода (благо при доме был большой участок земли). Надо было не только его вскопать, засеять, поливать и убирать, но и беречь от хищений окружающих, таких же голодных. После работы на службе Владимир Германович и Владимир Владимирович сторожили огород, отец — с десяти вечера до двух ночи, сын — с двух ночи до шести утра [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 99]. Огород позволял обеспечивать семье нехитрый обед — «в громадную кастрюлю клалось все, что было на грядках: репа, брюква, турнепс, редис, поливалось немного старой олифой, случайно сохранившейся у нас» [Там же]. Замечательные сибирские соболя (в которых Софья Константиновна сфотографирована на нью-йоркском портрете) были обменены на мешок муки. Купили козу, поместили в самой лучшей комнате дома, сено Владимир Германович косил сам в саду. Сад же обеспечивал дровами.

Литература и журналистика уже не могли давать средств к существованию, и Владимир Германович сосредоточивается главным образом на научной и преподавательской деятельности, участвуя параллельно в научно-практической и общественной работе: «То, что было во мне Таном, поблекло и съжилось, и стал я профессором частной этнографии, оброс учениками, ассистентами, студентами с рабфака, студентами с геофака и студентами просто так — с ветру, непризнанными

вольнотружателями. <...> Так из художника-писателя, из художественного репортера-публициста стал я ученым профессором Геофака ЛГУ, ученым хранителем МАЭ АН СССР. Как много учености», — и с удовлетворением, и с некоторой горечью, восклицал он в своей автобиографии [АМАЭ. К. 1. Оп. 1. Д. 382. Л. 22]. К работе в Музее антропологии и этнографии Богораз приступил в 1918 г., в 1921 — к чтению лекций на этнографическом и общегеографическом факультетах Ленинградского географического института.

Соответственно изменилась атмосфера в доме: «После этого в нашем доме о международной политике говорили мало. Мысли отца почти <...> переключились на научные вопросы» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 97]. Крутой поворот от политики и публицистики к науке дался В.Г. Богоразу нелегко. Его деятельной натуре, пожалуй, больше была свойственна общественная деятельность, которой он всегда отдавался с самоотверженностью и кипучим энтузиазмом. Жесткие и сухие рамки науки были для него всегда несколько стеснительны и даже как будто скучны. Да и нелегко это было после почти пятнадцатилетнего перерыва. «Опять в доме появились книги по географии, этнографии, языкознанию. Отец глотал их с непостижимой быстротой, вздыхая и сокрушаясь: “Нет, не догнать мне Льва Яковлевича [Штернберга]! Как он вырос за последние годы, какая эрудиция!” Часто виделся с В.И. Иохельсоном, который жил недалеко, время проводили в обсуждении и горячих спорах по различным научным вопросам» [Там же. Л. 98].

Постепенно налаживалась нормальная жизнь. Уже в 1920 г. стало лучше с питанием, появились специальные академические пайки, так называемые «помощь АРА»¹ и «посылки Нансена»². 1920-е гг. в жизни В.Г. Богоразы были весьма успешны в контексте его карьеры ученого-этнографа. Он был признанным патриархом отечественной этнографии, приближался к зениту своего научного и общественного влияния, был персоной пока неприкосновенной. Он завел пишущую машинку, впоследствии — еще несколько машинок, пригласил секретарей и машинисток, писать от руки стал все реже и реже.

А в личной жизни Владимира Германовича 1920-е годы ознаменовались чередой трагедий. В сентябре 1920 г. в Ростове-на-Дону, спеша из своей клиники в красноармейский госпиталь,

¹ American Relief Administration (ARA), известная своим участием в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921–1923 гг.

² Когда 31 марта 1923 г. Американская администрация помощи (ARA) прекратила прием посылок, Миссия Фридьофа Нансена по оказанию помощи России оставалась единственной международной общественной организацией, доставлявшей продовольственные посылки, оплачиваемые за границей.

его брат Николай Алексеевич Богораз¹ сорвался с подножки трамвая, попал под колеса, счастливо избежал смерти, но потерял обе ноги. 28 августа 1921 г. от менингита на почве туберкулеза умерла Софья Константиновна. Практически одновременно с женой умерла в больнице от паралича Анастасия Андреевна Летьенен, с которой В.Г. Богораза связывали очень близкие отношения. В 1922 г. умерла его сестра Вера Максимова. В том же 1922 г. уехал в Америку В.И. Иохельсон, единственный человек в череде многочисленных знакомых, которого Владимир Германович считал своим другом, человек, допущенный в его личную жизнь, бывавший в его доме в Лесном.

По свидетельству сына, Владимир Германович тяжело переживал смерть жены. На могильном кресте было написано «Погоди немного и я приду. Тан». На могилу жены он не ходил. Крест упал, насыпь от дождей сравнялась с землей. «Нет, у него не было никаких предрассудков, хотя бы и красивых предрассудков любящего сердца» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 55].

После смерти Софьи Константиновны Владимиру Германовичу было тяжело в старом семейном доме, где все напоминало жену. Да и работать было неудобно: из Лесного до университета и Музея антропологии и этнографии — путь не близкий. Все чаще он стал оставаться в городе, а вскоре и совсем туда переселился, занял комнату в Институте им. Лесгафта на ул. Печатников, в квартире хорошо ему знакомого профессора И.Д. Стрельникова².

Поскольку в данной статье речь идет о Владимире Германовиче в связи с Софьей Константиновной, на этом придется остановиться.

Конечно, Софья Богораз разительно отличалась от жен ближайших соратников В.Г. Богораза: Сара Ратнер-Штернберг — хорошо образованная (частная школа, Бестужевские курсы) и предприимчивая женщина, сочетавшая прогрессивные взгляды по женскому вопросу с иудаизмом, русской и европейской культурой; Дина Иохельсон-Бродская имела степень магистра медицины, полученную в университете Цюриха. В отличие от них Софья Константиновна не могла (и, наверное, не хотела) соответствовать «послеколымскому», совершенно новому месту В.Г. Богораза и в общественной жизни, и в научной

¹ До крещения — Генрих Менделевич (Максимилианович, Максимович) Богораз.

² Иван Дмитриевич Стрельников — участник второй русской экспедиции в Южную Америку (наряду с Г.Г. Манисером, Ф.А. Фиельструпом, С.В. Гейманом и др.); один из инициаторов создания НИИ им. П.Ф. Лесгафта и Института физкультуры им. П.Ф. Лесгафта, а также Географического института, в дальнейшем — географического факультета ЛГУ.

деятельности, интеллектуальному окружению мужа. После экспедиции Джесупа она ушла в тень и стала лицом исключительно частным, может быть, даже скрытым в определенной степени от общества, в котором вращался Владимир Германович. В интеллектуальной биографии В.Г. Богораз ее роль была минимальна, а в его частной жизни — значительна.

Мне представляется, что очевидный для постороннего взгляда мезальянс Владимира Германовича не слишком беспокоил. Он любил свою жену и, как отмечал их сын, «равнодушно относился ко многим условностям “хорошего тона” и “светским добродетелям”». Достаточно отчетливо сын обозначает и характер отношений Владимира Германовича с женщинами: «Он не требовал от них никакой духовной или умственной глубины. Он не требовал от них даже физической привлекательности или молодости. Он вообще ничего не требовал, кроме их женской сущности». Отношение это ныне называется сексуальной объективацией — но каждый любит по-своему.

Вот такая, казалось бы, странная, но гармоничная пара: Софья Константиновна оживлялась только тогда, когда рядом был Владимир Германович, «который вносил в этот тихий дуэт смех, движение и мысль. Они нежно любили друг друга. Имея отца, мать не нуждалась ни в каком другом обществе, он ей заменял весь мир, а для отца Софья Константиновна была, видимо, тем образом женственности, которую мужчина иногда находит раз в жизни, он любил даже ее недостатки» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 13об].

Список сокращений

АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

РГИА — Российский государственный исторический архив

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ДАА AMNH — The Division of Anthropology Archive at The American Museum of Natural History

Архивные материалы

АМАЭ. К. 1. Оп. 1. Д. 382. Автобиография В.Г. Тана-Богораз. 1927 г.

АМАЭ. К. 1. Оп. 1. Д. 383. Тан-Богораз В.Г. Автобиография. 1928–1930 гг.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 105. О разрешении евреям жительства в Санкт-Петербурге при родителях, детях, родственниках и опекунах. 1906 [1907] г.

СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Богораз В.В. Воспоминания. 1950–1960 гг.

DAA AMNH. Sine numero. [Letters]. 1901.

DAA AMNH. No. 1901-54. [Letters]. 1901.

Библиография

- Венедиктов Г.Л.* Анадырские и колымские записи былин В.Г. Богораза // Русский фольклор. Л.: Наука, 1987. Вып. 24. С. 148–160.
- Колонтеева И.В.* Владимир Германович Богораз-Тан и Северо-Восток: Биобиблиографический указатель. Магадан: Магаданская обл. универсальная науч. библиотека им. А.С. Пушкина, 1991. 80 с.
- Крупник И.И.* В.Г. Богораз, его наследие и ученики // Тропою Богораза: Научные и литературные материалы. М.: Ин-т наследия — ГЕОС, 2008. С. 17–22.
- Кулешова Н.С.* В.Г. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Изд-во БГУ, 1975. 112 с.
- Рига И.Г.* В.Г. Богораз: страницы жизни // Тропою Богораза: Научные и литературные материалы. М.: Ин-т наследия — ГЕОС, 2008. С. 23–27.
- Слободин С.Б.* О русском переводе книги В.И. Иохельсона «Коряки: материальная культура и социальная организация» // Этнографическое обозрение. 2004. № 6. С. 14–30.
- Хаеш А.* Генеалогические сведения о петербургских евреях в материалах Департамента общих дел МВД // Еврейская старина: Альманах. 2012. № 1 (72). <<http://berkovich-zametki.com/2012/Starina/Nomer1/Haesh1.php>>.
- Шенталинская Т.С.* Софья Богораз — автор записей русского фольклора на Чукотке // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 110–120.
- Kan S.* Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2009. 550 p.
- Vakhtin N.* Franz Boas and the Shaping of the Jesup Expedition Siberian Research, 1895–1900 // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / Ed. by I. Krupnik, B. Fitzhugh. Washington, DC: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, 2001. P. 71–89.

Sofia Bogoras (1870–1921): Towards a Sketch Portrait of Vladimir Bogoras

Elena Mikhailova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences

Universitetskaya emb. 3, St Petersburg, Russia

elmikh@kunstkamera.ru

The paper presents the little that is known about Sofia Bogoras — the wife of Vladimir Bogoras. It has appeared possible due to the memoirs of Vladimir Vladimirovich Bogoras — the son of Vladimir and Sofia Bogoras. The manuscript up to now was not introduced into scientific circulation. It was well known that Sophia accompanied her husband to Far North during the Jesup North Pacific Expedition. Owing to strong character, common sense, knowledge of people and life experiences purchased during her long residence in Kolyma region prior the expedition, Sofia was able to act as quite autonomous and active member of the Russian team. Her contribution to the excellent results of the expedition was quite significant. After the expedition Sofia completely moved away from the scientific and social activities of her husband. Vladimir Bogoras was a public figure, a well known scientist, a litterator. He was well-educated, brilliantly talented person with the widest range of communication. She was smart and sophisticated by nature, but the level of her education and narrow range of interests did not conform to the status of her husband after the Kolyma, where they had got to know each other and married. Furthermore Sofia was seriously ill, she had tuberculosis. Energetic spiritual, political, literary, scientific life of Vladimir Germanovich was held outside his home and his family. The role of Sofia in the intellectual biography of Bogoras wasn't quite visible, but it was very significant in his private life.

Keywords: Sofia Bogoras, Vladimir Bogoras, biography, Jesup North Pacific Expedition.

References

Hayesh A., 'Genealogicheskie svedeniya o peterburgskikh evreyakh v materialakh Departamenta obshchikh del MVD' [Genealogical Information about Jews of St Petersburg in the Materials of the General Affairs Department of the Internal Affairs Ministry], *Yevreyskaya starina: Almanakh* [Jewish Old Times: Almanac], 2012, no. 1 (72). <<http://berkovich-zametki.com/2012/Starina/Nomer1/Haesh1.php>>. (In Russian).

Kan S., *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2009, 550 pp.

- Kolonteeva I. V., *Vladimir Germanovich Bogoraz-Tan i Severo-Vostok: Biobibliograficheskiy ukazatel* [Vladimir Germanovich Bogoraz and North-East: Bibliography]. Magadan: Alexander Pushkin Magadan Scientific Library Press, 1991, 80 pp. (In Russian).
- Krupnik I. I., ‘V. G. Bogoraz, ego nasledie i ucheniki’ [V. G. Bogoraz, His Heritage and Students], *Tropoyu Bogoraza: Nauchnye i literaturnye materialy* [The Path of Bogoraz: Research and Literary Materials]. Moscow: Heritage Institute Press — GEOS, 2008, pp. 17–22. (In Russian).
- Kuleshova N. S., *V. G. Tan-Bogoraz: Zhizn i tvorchestvo* [V. G. Tan-Bogoraz: Life and Creative Work]. Minsk: Belarusian State University Press, 1975, 112 pp. (In Russian).
- Riga I. G., ‘B. G. Богораз: страницы жизни’ [V. G. Bogoraz: Pages from His Life], *Tropoyu Bogoraza: Nauchnye i literaturnye materialy* [The Path of Bogoraz: Research and Literary Materials]. Moscow: Heritage Institute Press — GEOS, 2008, pp. 23–27. (In Russian).
- Shentalinskaya T. S., ‘Sofya Bogoraz — avtor zapisey russkogo folklor na Chukotke’ [Sofia Bogoraz — the Author of Russian Folklore Records in Chukotka], *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2012, no. 1, pp. 110–20. (In Russian).
- Slobodin S. B., ‘O russkom perevode knigi V. I. Iokhelsona “Koryaki: materialnaya kultura i sotsialnaya organizatsiya”’ [On the Russian Translation of “Koryak: Material Culture and Social Organization” by V. I. Jochelson], *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2004, no. 6, pp. 14–30. (In Russian).
- Vakhtin N., ‘Franz Boas and the Shaping of the Jesup Expedition Siberian Research, 1895–1900’, Krupnik I., Fitzhugh B. (eds.), *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902*. Washington, DC: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, 2001, pp. 71–89.
- Venrdiktov G. L., ‘Anadyrskie i kolymskie zapisi bylin V. G. Bogoraza’ [Kolyma and Anadir Bylinas Recorded by V. G. Bogoraz], *Russkiy folklor* [Russian Folklore]. Leningrad: Nauka, 1987, vol. 24, pp. 148–60. (In Russian).